Таким образом, можно заключить, что национальная специфика международного сюжета «Волшебник и его ученик» (АТ 325) в калмыцкой сказочной традиции выражается в продуктивном использовании его в качестве обрамляющего сюжета.

Литература и источники

Bergmann B. Nomadische Streifereien unter Kalmucken. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.

Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки / 2-е изд.; пер., предисл. Б. Я. Владимирцова. М.: Вост. лит., 1958. 159 с.

Голстунский К. Ф. Убуши хун-тайджийин туудж, народная калмыцкая поэма «Джангар» и Сиддиту күрийин туули. СПб., 1864. Лит. № I. 74 с. Лит. № II. 48 с.

Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011а. С. 60–65.

Горяева Б. Б. Национальная специфика калмыцких народных сказок: локальные, контаминированные и обрамленные сюжеты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011б. № 1. С. 182–188.

Горяева Б. Б. Сборник «Седклин күр» («Задушевный разговор») в калмыцкой сказочной традиции // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сент. 2009 г.):в 2-х ч. Ч. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2009. С. 544–547.

Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.

Индийская средневековая повествовательная проза / пер. с санскрита, сост. и предисл. П. Гринцера; коммент. П. Гринцера и С. Серебряного. М.: Худож. лит., 1982. 399 с.

Калмыцкие сказки, собранные Лером. М.: Типография и литография Г.С. Папирова, 1873. 36 с.

Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.

Надбитова И. С. Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.): в 3 ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 66–76.

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 178.

Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / пер., сост., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.

Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971-1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Серия: Өвкнрин зөөр (Сокровища предков). Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.

Седклин күр. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1960. 86 х.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Хальмг туульс. III боть. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1972. 250 х.

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

Н. Д. Михайлова

Калмыцкие благопожелания, как и другие жанры устного народного творчества, содержат многие типичные для фольклорных произведений черты и свойства. Оптимизм народа, его чаяния, безграничная вера в светлое будущее выразительно передаваются при помощи разнообразных средств художественного изображения. Поэтическая форма калмыцких благопожеланий чрезвычайно богата эпитетами, сравнениями, гиперболами, метафорами, разными формульными выражениями (так называемыми «общими местами»). В йорялах имеются совпадающие детали и компоненты, одинаковые образы и мотивы, устойчивые обороты, образные словосочетания, постоянные эпитеты, обусловленные общим жизненным материалом и единой языковой основой. Жанровая специфика благопожеланий определяет их художественную форму и поэтический язык.

Художественная форма йорялов многообразна. Среди них встречаются и монострофические произведения, состоящие из двух-трех строк, и полистрофические произведения, состоящие иногда из десятков строк. Благопожелания начинаются с зачина, который чаще всего представляет собой обращение к кому-либо и определяет дальнейший ход мыслей исполнителя. В этой части он обычно высказывает благодарность по поводу предоставления ему почетного

права открыть церемонию произношения йорялов, восхваляет хозяев и гостей. Главное содержание йоряла, т. е. пожелания, составляет его основную часть. Концовка йоряла выполняет обобщающую роль, несет в себе некую заклинательную функцию.

Выслушав йорял, присутствующие благодарно выражали свое согласие с тем, кто произнес благопожелание, в форме кратких пожеланий, заклинательных формул, которые произносились в один голос: *Йөрәләр болтха!* ‘Пусть все сбудется согласно благопожеланию!’, *Олн көгшдин йөрәләр бүттхә!* ‘Да сбудется все согласно пожеланиям старших!’, *Йөрәл шиңгртхә!* ‘Да сбудется!’[1] и др.

Художественно-поэтические особенности калмыцких народных благопожеланий своеобразны. Форма монолога позволяет сказителям йорялов прямо и непосредственно выражать благопожелания. В стилистическом отношении они отличаются высоким слогом и имеют особую композицию, в которой выделяют традиционные формулы: начальные, медиальные и финальные. Объем произведения целиком зависит от мастерства исполнителя, от степени его владения поэтическими формулами и изобразительными средствами.

Благопожелания бытуют в стихотворной форме и, как правило, произносятся в рифму. В ритуале исполнениия йоряла слово играет главную роль. Сочетание различных видов рифм и словосочетаний, словесных повторов в благопожеланиях создает особый стихотворно-мелодический ритм.

Одним из важнейших средств звуковой организации, помимо ритма, является аллитерация. В благопожеланиях можно обнаружить различные виды аллитераций. В частности, встречается анафористическая аллитерация, когда в соседних строках совпадают начальные буквы или слоги: дд, ддд, дддд. Например: *Олна көдлмшт орлцҗ, / Олыг өмсч, / Олыг әләҗ, / Сәәнәс сән хувц өмсч, / Сәәхн менд йовҗ, / Сән җирһл әдлтхә!* Нередко можно обнаружить парную аллитерацию (начальные буквы строк чередуются попарно: аа — гг — бб: *Амн сән селвгән авлцдг, / Аа*h*-цөгц хотан уудг, / Хаҗуһар* h*ардго / Хар уга худнр болтха!* Благопожелания богаты аллитерациями, созвучиями гласных и согласных звуков, которые усиливают выразительность художественной речи.

[1] Здесь и далее перевод автора.

Йорялы обычно завершаются глаголами повелительного наклонения:

Эн кенәхмб гихлә,
Теднә тер гиҗ,
Нерән дуудулҗ ***йовцхатн****!*
Идҗ, ууҗ, цадҗ, ханҗ,
Олн-әмтн амулң ***болтха****!*
Олн манд ут нас ***хәәрлтхә****!*

Когда спросят, из какого вы рода,
Отвечают, что из такого-то, (поэтому)
Прославляйте свой род!
Пусть едят, пьют, насытятся,
возрадуются,
Пусть все люди в благополучии будут!
Всем нам долголетия [пусть божества]
пожелают!

Нередко в конце благопожеланий употребляются слова, эмоционально закрепляющие высказанное йорялчи благословение, например *болтха*! ‘пусть сбудется!’, с пожеланием здоровья, благоденствия для семьи, рода, народа, скота и т. д. Слова *болтха*, *хәәрлтхә* и т. п. устанавливают контакт исполнителя йоряла с высшими силами. Присутствующие в ответ не менее эмоционально произносят: *Тиигтхә*! ‘Да будет так!’. К таким «закрепкам» сказители йорялов издавна прибегали, по-видимому, преднамеренно, чтобы повысить магическую действенность благих пожеланий, выраженных вербально.

Одним из излюбленных средств художественной выразительности, используемых сказителями благопожеланий, является сравнение[2]: *нарн цецгә мет, сәәхн* ‘будь красивым, как подсолнух’, *зусн мет, наалдңһу бол* ‘пусть будет крепка, как клей’, *цаһан мөңгн мет, болтн* ‘будьте, как эта серебряная монета’, *тосар наасн мет, таалта җөөлн болтн* ‘как намазанные маслом, мягкими и сердечными будьте’, *шар тосн мет, хәәлңһү, эн шар зес мет, наалдңһу* ‘как топленое масло, будьте мягкими друг к другу, как эти желтые монетки, прижимайтесь друг к другу’. Приведенные сравнитель-

[2] Поскольку круг предметов, вещей и явлений, известных человеку, довольно обширен, то и сравнения, используемые в благопожеланиях, многообразны. Животный и растительный мир представляет для сказителей йорялов неиссякаемый источник для сравнений, большой пласт которых в поэтике жанров обрядовой поэзии свидетельствует о том, что человек постепенно познавал окружающий его мир. Сравнение отражает образное народное мышление, основывается на реальном жизненном опыте и наблюдениях.

ные обороты, простые и сложные по своей структуре, отчетливо показывают идейную основу благопожеланий: цветок символизирует чистоту человеческой жизни, клей, масло или монеты — скрепленное счастье жены и мужа.

Сравнительные обороты в благопожеланиях строятся в основном с помощью служебных слов *мет*, *чиңгә*, *кевтә*, *болсн*, *әдл*, а также суффикса *-шң*. Например:

Зуни хәәртә хур-чиг кевтә,
Теңгрт гилвксн однщң,
Далан дольган цоксн уснщң,
Орчлңгин шар нарн мет.

Как благодатный дождь летом,
Как сверкающая звезда на небе,
Как колыхающаяся волна,
Как вселенское желтое солнце.

В пространном благопожелании «Гер милəлһн» («Поздравление дому») синьцзянских калмыков можно встретить и такие сравнительные обороты [Цацлын деежҗ 1997: 25]:

Һалвр зандн мет,
Ораһасн нәәхлҗ,
Һазад дала мет,
Дундасн бульглҗ…

Как волшебное дерево сандал,
Покачиваясь с верхушки,
Как внешний океан,
Вскипая с середины…

Вариант данного сравнения встречается в другом благопожелании наших соплеменников в Китае, посвященном обряду окропления летнего стойбища («Зуслңгин цацлын йөрəл»): *һалвр зандн шиңг ораһасн нәәхлҗ, // һазад дала мет дотрасн бульглҗ…* Здесь слово *дундасн* (с середины) заменено на *дотрасн* (‘изнутри’), а вместо сравнительного союза *мет* употребляется другое служебное слово *шиңг*.

В современных народных благопожеланиях, посвященных Дню защитника Отечества или проводам юношей в армию, нередко встречаются пожелания быть как герои-богатыри калмыцкого народного героического эпоса «Джангар», обладать их лучшими качествами, быть горячими патриотами и достойными защитниками родной земли: *Хан Җаңһр мет, алдр бол!* ‘Стань великим, как хан Джангар!’, *Хоңһр баатр мет, зөргтə бол!* ‘Будь смелым, как богатырь Хонгор!’, *Алтн Чееҗ мет, ухарльг, цецн бол!* ‘Будь мудрым и рассудительным, как Алтан Чееджи!’.

В благопожеланиях используются и эпитеты, которые в образной системе йорялов занимают значительное место. Они конкретизируют темы йорялов, создают исключительную образность изображаемого объекта. Употребление разнообразных эпитетов делает язык благопожеланий более образным и содержательным, а речь исполнителя — экспрессивной и эмоциональной.

Йорялчи нередко прибегают к сложной форме художественных определений, которые вполне заменимы одиночными эпитетами: *өлзəтə цаһан хаалһ* ‘благословенная белая дорога’, *улан зандн цəəһəн ууҗ* ‘красно-сандаловый чай выпивая’, *көрстə алтн һазр деер көкрҗ* ‘на користой золотой земле зеленея’, *үсн цаһан седклтə* ‘с душой, белой, как молоко’, *сəəхн цацгта өмскүл* ‘одежда-подарок с красивой бахромой’, *таалта җөөлн седклтə* ‘ласково-добрая душа’, *үнн сəəхн садн* ‘настоящие прекрасные родственники’. Надо сказать, что благопожелание отражает жизнь, отношение людей к окружающей действительности в идеализированной форме, и более всего реализации этой задачи способствуют эпитеты, придающие выразительность, яркость, повышая силу их эстетического воздействия.

Употребление таких эпитетов, как *кишгтə* ‘счастливый’, *сəəхн* ‘красивый’, *байн* ‘богатый’, *хәәртə* ‘любимый’, *бат* ‘крепкий’, *амулң* ‘спокойный’, *олн* ‘множество, многочисленный’ и т. д., помогает воссоздать идеализированную картину желаемой жизни. В йорялах эпитет *сəəхн* ‘красивый’ по отношению к человеку определяет не только внешние его особенности, но и характеризует красоту его внутреннего мира.

С помощью эпитетов в свадебных благопожеланиях характеризуются основные персонажи совершаемых обрядов, отмечается социальное положение человека на момент произнесения йоряла: *шин бер* ‘новая невестка’, *һазаран һарчах күүкн* ‘девушка, выходящая замуж’, *худ бəрлдҗəх элгн-садн* ‘родственники, становящиеся сватами’ и т. п. Эпитеты передают сердечное отношение исполнителя йоряла к гостям и виновникам торжества: *хəәртə худнр* ‘любимые сваты’, *күндтə худнр* ‘уважаемые сваты’, *өлзəтə үрн* ‘счастливое дитя’, *му күүкн* ‘плохонькая девушка’. Точными, вырази-

тельными эпитетами украшается каждое пожелание: *цаһан хаалһта бол* ‘счастливой тебе жизни’, *ут наста бол, бат кишгтә бол* ‘долгой тебе жизни, крепкого счастья’.

Исполнители йорялов умело пользовались цветовыми эпитетами, которые выполняли украшающую функцию, придавая тексту особую выразительность. В культуре монголоязычных народов белый цвет является сакральным. Он символизирует счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение [Баранникова 1973: 106]. Все предметы, окрашенные в белый цвет природой, заключают в себе вышеперечисленные качества. С эпитетом *цаһан* ‘белый’ в благопожеланиях встречаются такие словосочетания: *Цаһан сар* ‘Белый месяц’, *цаһан идән* ‘белая пища’, *цаһан санан* ‘чистые мысли’, *цаһан седкл* ‘светлые помыслы’, *цаһан хаалһ* ‘белая дорога’, *цаһан гер* ‘белая юрта’, *цаһан ишкә* ‘белый войлок’, *цаһан шалвр* ‘белые штаны’, *цаһан өңгтә хөн* ‘белый баран’ и т. д.

Эпитет *цаһан* в благопожеланиях, как и в других жанрах калмыцкого фольклора, чаще всего имеет переносный смысл: светлый, чистый, священный, добрый, благородный, счастливый, девственный. Очень много йорялов создано в честь самого любимого праздника калмыков — Цаган сар. Происхождение названия этого праздника, общего для всех монголоязычных народов, объясняют по-разному. По мнению бурятских ученых Д. Банзарова и Г. Цыбикова, название связано со словом *цагаа* ‘творог’: в этот месяц употребляли в пищу запасы творога и других кисломолочных продуктов [Банзаров 1997: 25; Цыбиков 1981: 168]. Другая версия гласит, что белый цвет — символ счастья и святости у монгольских народов, и потому название месяца следует переводить как «счастливый» или «священный» [Галданова 1983: 40–41].

В калмыцких йорялах встречаются такие словосочетания: *улан шар нарн* ‘золотисто-красное солнце’, *шар тосн* ‘топленое, жертвенное масло’, *шар чиктә хөн* ‘баран с желтыми ушами’ (т. е. баран, обычно приносимый в жертву). Эпитет *желтый* в целом характеризует положительное качество предмета (*желтое солнце*, *желтая вера*). Часто встречается в благопожеланиях эпитет *алтн* ‘золотой’: *алтн нарн* ‘золотое солнце’, *алтн насн* ‘золотые годы’, *алтн җола* ‘золотые поводья’, *алтн аах* ‘золотая чаша’, *алтн босх* ‘золотые ворота’, *алтн уург* ‘золотое молозиво’. Символике золота у монгольских народов посвящена специальная работа С. Ю. Неклюдова, который свел воедино практически все фольклорно-мифологические сюжеты, в которых упомянуто золото, и выделил 16 сегментов его семантического спектра [Неклюдов 1980].

Одним из языковых средств выразительности в благопожеланиях является гипербола. Прием художественного преувеличения используется сказителями благопожеланий для того, чтобы подчеркнуть основной смысл, идею рассказываемого. В калмыцких народных благопожеланиях часто желают долголетия — ‘прожить сто лет’. В свадебной обрядности желают рождения детей, которых было бы ‘полное одеяло’. Для более полного представления изображаемого предмета используется метафорический эпитет *орар дүүрң күүкдтә, // көнҗләр дүүрң көвүдтә* ‘желаю полную кровать девочек, полное одеяло мальчиков’.

Калмыцкие народные благопожелания по идейно-художественному содержанию, тематическому составу охватывают самые разные стороны жизни. В данной работе были описаны наиболее частотные художественно-изобразительные средства, хотя язык йоряла изобилует самыми разнообразными поэтическими приемами. Благодаря своему языковому богатству, вариативности текста, благопожелания в устной традиции калмыцкого народа являются самым активным жанром.

Литература

Баранникова Е. В. Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках // Филологические записки. Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 19. Улан-Удэ, 1973. С. 103–118.

Неклюдов С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // Etnografia Polska. T. 24, z. 1. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1980. P. 65–94.

Цацлын дееҗ. Зүнһарин хальмгудын йөрәл, магталмуд болн хүрмин йосн. Элст: Хальмг дегтр haphaч , 1997. 25 х.

Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 373 с.

Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2-х тт. Т. 2. Новосибирск, 1981. 241 с.

Галданова Г. Р. Сагалган — древний народный праздник монголов и бурят // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. Докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф.: в 2-х тт. Ч. 1. М., 1983. С. 40–41.